

Скворец / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Скворец / рассказ СКВОРЕЦ

Скворец на голой еще яблоне поет так яростно, что Виктор Александрович плачет.

Виктор Александрович никогда не плакал до этого.

Однажды, когда он совсем еще пацаном был, его страшно избил отец. Они жили в бараке при фабрике. В длинном темном коридоре все время пахло гнилой капустой и тряпками. Тут-то, прямо на грязном полу, отец, татарин Иса, и отходил его ремнем, ногами, кулаками до отключки за то, что они с Колькой Отставных стащили у соседа картохи повечерять у костра. На длинной общей кухне по стене стояли ящики для картохи и других каких овощей, которые запирались на навесные замки. Так Витя подглядел, что у соседского ящика гвоздик, которым прибита дужка замка, расшатался и дерево в этом месте раструхлявилось – его надо-то было только чуть-чуть пошевелить. Зато картохи напекли в углях – завались. Колька угощал его крупной солью, сохраняемой в заветном спичечном коробке, и соленые горчащие камешки расплывались на языке, смешиваясь со сладкой картофельной мякотью...

Может из-за этой сласти он и не заплакал, когда отец его бил.

Русская мамка Виктора померла через одно лето и осень, в зиму. Отец к тому времени связался с загульной татаркой и от них уехал в Казань. Без него даже лучше было, хотя мамка работала на фабрике, а после молилась или на молитвенные собрания ходила. И Витюху заставляла молиться – говорила, что боженька поможет. Только никакой боженька ей не помог, когда она от чахотки помирать начала. Уже кровью харкала, говорила едва-едва, а все просила: «Молись, молись за меня, Витюша». Потому он и не плакал, когда она померла – откуда-то он знал, что глупость это и ничего ее боженька не умеет.

Когда мать в землю зарыли, его тетка в Иваново к себе хотела забрать, да только он не дался – сбег из мрачной дождливой Шуи

на юг, пробирался в Одессу, таскал что попадетсЯ на базарах, что-то выпрашивал... И почти добрался! Чуток совсем оставалось, в Харькове его поймали и сдали в ментовку.

Как беспризорника, когда дознались, что сирота, отправили обратно на север, в ПодмосковьЕ, в училище рабочее сдали. Отмыли его, обрили наголо, одели в справную, нечиненую даже форму. Накормили от пуза рыбным супом. Был он мал ростом и не помнил года рождения, поэтому решили, что ему лет десять, так и записали в метрике. И имя отца записали с его слов Александр. Все это Витюхе понравилось, да только похоронило навсегда заветную мечту о море – так он моря-то и не увидел-то. Но плакать все равно не стал – сделался рабочим человеком. И все это к лучшему обернулось – и то, что его под самую, считай, Москву, отослали, и что в метрике лета сбавили. Скоро война началась, и удачно так получилось, что и по годам он под мобилизацию во всю войну так и не попал, и фрицы до их городочка не добрались. В общем, в войну-то многие плакали горячими слезами. Девчонка одна, симпатичная, ужас как плакала, когда старшего брата провожала на фронт, а Витюхе некого было провожать, не с чего, стало быть, и плакать.

Девчонку ту звали Аня и была она, когда не плакала, лучшей девчонкой на заводе! На вечере в честь Октября танцевала так задорно, что юбка клешеная поднималась, показывая круглые коленки. Витюха глядел на ее подол, стараясь попадать дыханием в такт – вверх – вниз. Долго смотрел на Аню, мечтал перед сном, когда после смены только и сил, кажется, добрести до подушки и ухнуть в сон – ночь ли, день ли. А он не мог! Лежал и думал про ее коленки, ямочки на щеках, мягкие карие глаза...

Месяц целый мучился, а потом подошел на вечере, пригласил на танец. Однако Аня была ему не чета – только фыркнула на его широкое лицо и малый рост, от отца-татарина доставшиеся. Фыркнула и отвернулась. Горько было Витюхе, но он, конечно, и не думал плакать. Так и сказал: «Ну и пожалуйста, ну и не заплачу!» И пошел восвояси, с другой девчонкой стал танцевать. С ней и обженились. Девчонка была справная, одного с Витюхой роста, с большой мягкой грудью и кудрявыми волосами по плечи. Одна недостача – косенькая из-за малярии в детстве. Работала в

карбидной и тоже, как и Витюха, по сменам. Звали Тоней.

С Тоней они поселились у ее мамы в коммуналке в углу за занавеской. Потому что так уж вышло, как с Витюхой всегда происходило, что оказалась Тоня в большой семье самой безнадежной, на которую всем плевать. И то, может быть, они ее еще когда малярией болела, с довольствия списали, а она и не помри. Как бы то ни было, старшая сестра, жена мастера, самая денежная, жила отдельно, младшая, Валька, в школе училась и в техникум собиралась поступать, а Тоня, косенькая да и дурочка немного, даже два класса не закончила, прозябала в карбидной. «Зато она тебя уважать будет», – сказал Витюхе на свадьбе шурина.

С уважением не задалось. Жить на глазах у всей родни своей семьей никак не выходило. Тоня забеременела, но то ли от тяжелой работы, то ли от карбида, выкинула. Витюха тогда запил. И оказалось, что напившись, он впадает в страшное буйство. Шурина и другие мужики, куда его крепче и сильнее по виду, тушевались и не могли справиться с мелким, жилистым и вертким. Втроем, вчетвером только и удавалось утихомирить. Однажды вот так скрутили, привязали полотенцами к стулу и вроде как все, выдохнули. А он возьми да и сигани вместе со стулом в открытое окошко со второго этажа. Ничего, синяками отделался, черт. Тоня тогда, видимо, и поняла, что надо над ним верх как-то иначе брать. И потому отрывалась горлом, когда Витюха трезвел. Ух и ругачая она стала со временем! Даже дети, которые все ж таки народились, не слишком ее смягчили.

Детей вышло двое. Старшая Таня, в честь тещи, и сын Костик. Константин. Такой же щуплый рос, как Витюха когда-то, только глаза материны, синие.

Построили от завода, после смен, себе квартиру, даже двухкомнатную. Зажили не то, чтобы хорошо, но сносно. Витюху взяли, несмотря на малый рост и общий недокормленный вид, в машинную сборку, тяжелый цех, зато и платили там больше. Если бы Витюха не пил запойно, пропивая часть зарплаты, может и хорошо бы жили. А так – на Тоне все держалось, конечно. Она из карбидной на мясокомбинат перешла, не на самое хлебное место, кто бы в разделку ее взял, но все-таки нет-нет приносила домой

обрезки и жир, тем и жили.

Ради прежней мечты о море Витюха выменял у приятеля настоящий комплект морской матросской формы: синяя куртка и брюки, два гюйса – парадный и будничный, и, самое главное, две тельняшки: без рукавов и с рукавами. В этих тельняшках и ходил постоянно, жена только успевала настирывать.

Когда Витюха выпивал, он почти не закусывал – закуска градус крадет. Но в подворотнях старался все равно не пить, любил, чтобы красиво – рюмочка граненая на ножке, кусок сальца, посыпанный крупным черным перцем, свежая буханка. Выпить не торопясь поллитру, затянуть что-нибудь. Любимая песня была «Страна родная Индонезия»... Пальмы, солнце и теплое море, которого никогда не видел.

Любовь к красивому Витюху и подвела. Получил он путевку в дом отдыха, под Дмитровом. Хороший дом отдыха, домики свежескрашенные, удобства на корпус, утром – зарядка, вечером кино или танцы под баяниста. Там с Ниной и познакомился. Учительница географии, не мышь пукнула. Под вальс рассказывала офигевшему от запаха духов Витюхе про Колумба, полезные ископаемые в Якутии и борьбу за независимость Индии.

Витюха сам не зная зачем вдруг наклонился к ее шее и спел тихонько про Индонезию. Нина улыбнулась и позволила себя поцеловать.

Красивая она была: статная, черноглазая, губы красила алой помадой. Витюхи постарше паспортно, но он-то помнил мутное дело с его метрикой, так что махнул рукой. Тоне письмо написал: так и так, любовь, а с тобой мы разные люди. Удивился даже слегка, когда она его удерживать не стала.

У Нины в Дмитрове своя отдельная квартира была однокомнатная. Зажил Витюха как сыр в масле. Да, хорошо жил. Сразу с новой женой договорились, что она его выпивке не противится, отделяет третью часть зарплаты на пропой. Еще алименты на двоих детей. Остальное в общий котел. Маловато оставалось, но Виктор-то чем виноват?

С Ниной ему хорошо было, про Тоню и свою прежнюю жизнь он и не вспоминал года два, до тех самых пор, когда Тоня возьми и

явись прямо в Дмитров, да не одна, а с одноруким старым мужиком. Говорит вот, мол, новый муж. Ветеран войны и инженер на заводе. Хочет усыновить Таню и Костика, тем паче они все равно его папой зовут. Просят отказ от прав подписать.

Виктор сначала на дыбы, как так! А они и с того бока заходят, и с другого – вежливо и уважительно все. Говорят, у тебя другая жизнь, алименты не надо будет платить, все в новой семье будет оставаться. Уговорили, в общем.

Скворчиха сидит на ветке пониже, даже не сразу ее, невзрачную, разглядишь среди ветвей. А скворец не скрывается, словно даже и не ей свою песню предназначает. Клокочет горлом, переливаются черно-синие перья. Виктор Александрович плачет. Слеза, такая горячая, горячая, стекает по морщинам в углах глаз к бритому седому виску. Это потому, что он лежит навзничь прямо на земле, еще не вовсе заросшей травой.

Участок в шесть соток купили с Ниной пополам, вскладчину. Так что Виктор Александрович считал про себя, что это ему за отказ от отцовства, и полюбил этот участок больше жизни. Маленькую садовую будку отделал, грядки копал, сажал помидоры и викторию, а по краям – яблони. Одна, самая старая, высилась теперь прямо над будкой. Хорошая яблоня, сорт «Коричная». На нее и прилетели те скворцы. Виктор перед тем выпил уже поллитру, закусил немного колбасой с черным хлебом и луком. Скворец запел, и отчего-то, хотя уже много весен Виктор Александрович слышал скворцов, очень захотелось поглядеть на него. Выходя, зацепился ногой за ступеньку.

Скворец поет, а Виктор Александрович плачет. Жизнь прошла. Умирать страшно.

Виктор Александрович открывает рот и мычит скворцу, чтобы тот замолчал, чтобы оставил его в покое. Скворец поет. «Страна родная Индонезия...». Прости, прости, прости, прости, хочет сказать Виктор Александрович, но ничего уже не может.

Скворчиха спрыгивает с ветки ему на грудь, заглядывает, наклоня пеструю головку, в глаза.

– Не плачь, – говорит она Вите, – я тебя прощаю.

Маша САНДЛЕР. Некаýalar